

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЕМИЙНОГО ОБРАЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Бушуй Анатолий Михайлович,

профессор Самаркандского государственного института иностранных языков

Ключевые слова: процесс, номинация, характеристика, судьба, рок, паремиология, объект, концептуализация.

Идея антропоцентричности языка – ключевая для лингвистики наших дней. В ней человеческий фактор широко анализируется при любом языковом феномене, где учитывается связь с человеком, его мышлением и всевозможными видами духовно-общественной и прикладной деятельности. Что касается самих знаний человека об окружающей его действительности, то они имеют исключительно сложную структуру языковой картины мира, которая репрезентируется религиозно-мифологически, философски и ценностно-коннотативно. В итоге возникает, функционирует и развивается знаковый образ действительности, а не её копирование. При этом образность играет значительную роль в развитии и функционировании слов, фразеологических единиц [ФЕ] и паремиологических единиц [ПЕ], т.е. пословиц, поговорок, присловий и т.п. Ср.: рус. ПЕ «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней»; «Какой ложкой кормят, такой и их судьба попотчует»; «Отольются кошке мышканы слёзки»; «Гусь свинье – не товарищ»; «Не надейся, дед на чужой обед».

По Ш. Балли [1961. С. 228], конкретный образ «будит воображение и рисует картину». Эмоционально маркированный образ «воспринимается чувством», оставляя в восприятии действительности «некий эмоциональный осадок». Далее Ш. Балли делает существенное уточнение: «Нельзя отрицать, что индивидуальное чувство

играет большую роль в восприятии таких образов» [Там же. С. 228]. Отсюда главным для Ш. Балли является стилистический параметр: «Образ существует для нас лишь постольку, поскольку он имеет экспрессивное значение» [С. 224]. Причём «чем детальнее образ, тем он конкретнее, тем сильнее он действует на воображение» [С. 232].

Подобный языковой антропоморфизм есть общий закон развития номинации и не является каким-то пережитком первобытного мышления. Здесь важным представляется следующее обобщение, которое сделала О. М. Фрейденберг [1978. С. 26-27]: «Образ – это форма мифотворческого представления; то и другое есть биолого-социальный продукт, возникающий в результате взаимодействия высшей нервной деятельности и объективных социальных условий. Как не может Ахилл быть создан в эпоху книгопечатания, так и мифологический образ не может возникнуть ни в какое иное время, кроме самого первобытного. Чистой фантазией было бы познание, если б не было объективной действительности; оно зависимо от биологических и социальных причин. Человек не волен был сочинять образы, он был вынужден мыслить ими».

Основная же роль в процессе номинации (называния) принадлежит слову (в меньшей мере возможностями номинации обладают также словосочетания и предложения). Слова, называя объект, включают его в определенный класс объектов и отличают

от других классов объектов. Тем самым и проявляется обобщающий характер слова. При этом Н. С. Трубецкой [1987. С. 215] замечает: «Все изменения, которые переживает язык, являются результатом определённых тенденций развития. Язык в каждый момент своего развития представляет собой взаимосвязанную органическую систему, в которой звуковая сторона самым тесным образом связана с мыслительной».

Процесс отражения действительности в языках – исключительно сложен. В частности, в них одинаковые явления действительности зачастую получают разные наименования. Это ставит вопрос о проблеме выбора наименования и его мотивированности. В основе процесса номинации лежит жизненный опыт человека, неоднократное знакомство с объектами окружающего мира, познание их свойств. Ср. в рус. пословичных ПЕ: «Сколько не умывайся, белей воды не будешь»; «Беда не по лесу ходит, а по людям»; «Беда ума прикупит»; «Бедность не порок»; «Без недругов и царство не стоит»; «Бес падок на седины»; «Век живи, век учись»; «Волка бояться, в лес не ходить»; и др.

На основании знания об объектах в сознании человека формируется их обобщённый и устойчивый образ. Ср. в рус. пословичных ПЕ: «Сама себя раба бьёт, коли не чисто жнёт»; «Залетела ворона в высокие хоромы»; «Болото было б, а черти будут»; «Брюхо – враг – вчерашнего не помнит»; «Вода мельницы ломает»; «В чужом пиру похмелье»; «Выше лба глаза не растут»; «Где мёд, и мухи там»; «С дураком пива не сварись»; «Своя ноша не тянет»; и др.

Подобное образостроение охватывает не только базовый [общенародный] язык, но и имеет место в его ограниченных сферах функционирования: региональных языковых вариантах, диалектах, сленге, профессионально маркированном речевом обиходе и т.д. Ср. одну из подобных ПЕ:

«Сочный ветер путал мокрые фалы в руках сигнальщиков. Снова начиналась походная жизнь, в которой, согласно моряцкой поговорке, выгодно живётся одним попам, котам и докторам (остальные расписаны по вахам, загружены работами)» [В. Пикуль. Три возраста Окини-сан].

Или ср. рус. пословичные ПЕ, восходящие исторически к торговой сфере: «У нас целковые – все новые»; «Купишь и серьги, когда есть деньги»; «Сумеешь торговать – будешь пировать»; «Не велик торжок, да не пуст горшок»; «В грамоте не силён, а торговать умён»; и др.

В целом же, создаётся коллективное отношение народа к окружающим явлениям мира во всём его разнообразии. Ср. осуждение в рус. паремииологии пьянства: «Пьём да людей бьём; а кому не мило, того в рыло»; «Где ни напьётся, там и подерётся»; «Выпивши пиво, да теста в рыло; поев пироги – тещу в кулоки»; «Первая чарка – задержиха, другая – неспустиха».

Резко отрицательно высказывается народ своими ПЕ и против всяческих оправданий любителей выпивки: «То не спасенье, что пьян в воскресенье»; «С вином старое горе, да новых два: и пьян, и бит»; «Горя вином не зальёшь, а радость пропьёшь»; «Ездил пировать, а домой приехал горе горевать»; «Для чашников да бражников бывает много праздников»; «В людях пьёт, да и дома не льёт» и др.

Народная мудрость опровергает паремиями бездоказательное утверждение о расслабительном воздействии алкоголя: «Того трезвый не выдаёт, что хмельной говорит»; «Во хмелю что хошь намелю»; «Пьяного речь не беседа, а свиное хрюканье». Осуждают народные ПЕ и мнимую храбрость выпивох: «Пьяному море по колено, а лужа по уши»; «Только и отважки, что ковшик бражки». Несовместимы – по паремиям – труд и хмель: «Вино ремеслу не товарищ»; «Знай своё ремесло, да блюда, чтоб хмелем не

поросло»; «Винцо не снасть: дела не управит».

В целом же, язык необходимо рассматривать с трех точек зрения: 1) как систему, 2) как совокупность различных диалектных, социальных, функциональных и т.п. вариантов и 3) как социальную семиотику.

Под языком - социальной семиотикой - понимается язык в контексте культуры [Е. М. Мелетинский, 1976. С. 166] как семиотической системы [А. Я. Е. Vodrogligeti, 2003а. С. 117; 2003в. С. 10]. Основная идея здесь состоит в том, что язык передает значения не только при помощи системы лексических или грамматических знаков, функционально отражающей потребности социальной реальности [А. Я. Е. Vodrogligeti, 2003а. С. 120]. Как социальная семиотика, язык может передавать значения и на других уровнях, ибо социально-обусловленный преднамеренный / непреднамеренный выбор тех или иных возможностей языковой системы сам по себе уже обладает коммуникативной релевантностью, несмотря на сферу распространённости и функциональной активности конкретной языковой единицы. Ср. национально специфичные рус. пословичные ПЕ: «Не умеючи, и лаптя не сплетёшь»; «Лапти плести – не дом вести»; «Не берись лапти плести, не надравши лыка»; «Жениться – не лапти плести»; «На чужой каравай рот не разевай»; «Не всякое лыко в строку»; «По Сеньке шапка, по Ерёмке колпак»; «Баба ворожила да надвое положила»; «В лесу родилась, с инями выросла»; «В одном кармане смеркается, а в другом заря занимается»; «Высоко летает, да где-то сядет»; «Сужёного конём не объедешь»; «Одна голова не бедна, а хоть бедна, так одна»; «Утро вечера мудренее»; и др. Они восходят к историческим первоисточкам паремийности русского народа. К примеру, это ПЕ: «Лапти сплёл да и концы схоронил»; «Аз пе вяз и содрав лыко не сплести лаптей»; «Кашира в

рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула» и др.

Многие из них уже вышли из современного речевого обихода. Ср. ещё такие из них в старорусском языке [XVII в.]: «Спасибо кувшину, что размыкал кручину»; «Сыр да яйца да вина скляница»; «Целба пьянице на столе в склянице»; «Иглою шьют, чашею пьют, а плетью бьют»; «Пьяному бещестье – до чарки вина»; «Животы у старца толка площадка до лошка».

Во всех современных языках сложилась довольно богатая и оригинальная паремиологическая система. Она охватывает всевозможные паремии или ПЕ в виде пословиц, поговорок и т.д. В тюркском мире – это «оталар сўзи» – «слово отцов». Все они означают древнюю мудрость, наставление, назидание. Поучительный характер, лаконичность и меткость ПЕ повышает их познавательную ценность и устойчивость употребления. Они воспроизводят самую широкую палитру суждений о реальной действительности. Уже у древних огузов образцы устно-поэтического творчества широко демонстрируют народные ПЕ в общей речевой афористической системе. В их содержании получили глубокое осмысление такие темы, как судьба, рок, чванливость невоспитанного человека, семейные отношения, дети (путёвые и непутёвые), философское мирозерцание и др. [Х. Короглы, 1976. С. 181]. Поэтому это излюбленное поэтико-художественное изобразительное средство:

“Асру машхурдур бу сўзда бали,
«Давно известны слова пословицы

Ит хураp – карвон кечар масали”
Собака лает – караван проходит»;

[Навоий]

“Оёкинга тушар хар лахза гису,
«К ногам твоим все время,

Масалдурким: чироғ туби қоронғу”
падает коса,

[Лутфий]

И пословица гласит: подножье
светильника в темноте».

Отсюда учёт паремиоматериалов всё чаще отличает те практические курсы обучения языков, которые ориентируются на достижение коммуникативной эффективности. Так, “Modern Literary Uzbek” [А. J. E. Vodrogligeti, 2003] привлекает для постановки основ узб. разговорной речи 210 ПЕ.

В сфере фольклора паремиосистема изучена фундаментально [С. Бекчанова, 2009. С. 115-116]. До сих пор паремиология лишь спорадически привлекалась [и притом фрагментарно] к собственно лингвистическим и культурологическим исследованиям. А между тем внутри паремийной микросистемы наблюдаются почти все языковые явления и процессы. Поэтому лингвистические наблюдения в этой области представляют несомненный интерес для решения самых различных вопросов общего и прикладного языкознания. Здесь наличествуют исконные паремии, заимствованные единицы [межнациональные], паремии нового времени, паремии-архаизмы, активные и пассивные пословицы, дублетные паремии и т.д.

Их системное описание [прежде всего отличающихся употребительностью и важностью выражаемой ими мысли] будет способствовать более полному определению выражаемых ими понятий и выявлению закономерностей формирования у них семантической структуры.

Паремиология важна и для изучения истории развития самого языка. Ведь большинство ПЕ любого литературного языка содержит именно общенародную лексику. Ср. узб. ПЕ: “Нон хам нон, ушоғи хам нон” [«И лепёшка – хлеб, и крошка - хлеб»]; “Чумчуқ сўйса хам, қассоб сўйсин” [«Даже воробья должен резать мясник» (в смысле «Дело мастера боится»)] и др.

Или же здесь немаловажно учесть и такой лингвокультурологический фактор развития народа как наличие в

паремиоформах имён собственных, географических названий и этнонимов – живых свидетелей об особенностях ареала обитания носителей соответствующего паремиофонда. Ср. узб. ПЕ: “Ақл – Ҳасан, одоб - Хусан” [«Ум – Ҳасан, воспитанность – Хусан» = «Ум и воспитанность - близнецы» (от обычая давать эти имена близнецам)]; “Ахмоққа Кува бир тош” [«Глубцу до Кувы один таш» (Таш – старая мера длины, около 8 км)] и др.

Недостаток подобных данных сказывается на словарной практике и переводоведении, ибо не учитывает всю историческую масштабность культурного наследия народов мира.

Кроме того, важно решение вопроса о психолингвистике ПЕ одного народа для носителей другого языка. Вместе с тем ценность представляют и запечатлённые в ПЕ на всех языках мира универсальные черты человеческого мышления. Они отражаются в паремиологии в виде психолингвистических универсалий вне какой-либо этнической принадлежности народа: узб. “Кулол синиқ мундидан сув ичар” [букв. «Гончар пьёт из разбитого черепка»]; рус. «Сапожник без сапог»; англ. The shoemaker’s wife is the worst shod [букв. «Жена сапожника хуже всех обута»]; франц. Le cordonnier est le plus mal chaussé [«Сапожник (всегда без сапог)»].

Учесть здесь следует и другие паремиогруппы, которые отражают события и ситуации в истории какой-либо одной страны: в рус. паремиологии – это ПЕ типа «Лучше Грозный царь, чем семибоярщина»; «На француза и вилы ружьё»; во франц. паремиологии – это ПЕ из народного календаря, где отражается ход хозяйственных работ, особенности климата в определённой местности и т.п.: Quand il tonne en avril, il faut apprêter son baril; S’il pleut le jour saint Médard, il pleuvra quarante jours plus tard.

В истории лингвистики периодически наблюдаются возвращения к идеям более или менее давних периодов.

Одной из подобных лингвистических проблематик, требующих пересмотра и уточнений, являются, к примеру, клише (= клишированные фразы). Это устойчивые (фразеологизированные/ паремиологизированные) сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде. Ср. нем.-рус. клишированные образования в виде общеупотребительных пословиц *Lügen haben kurze Beine* – «У лжи короткие ноги», *Was man nicht im Kopfe hat, muß man in den Beinen haben* ~ «Дурная голова ногам покоя не даёт», *Das Gesicht verrät den Wicht* – «На воре шапка горит», крылатых слов [например, это библеизм *Auge um Auge, Zahn um Zahn* – «око за око, зуб за зуб»] и др. Их отличает образность и лаконичность. К подобным средствам языкового выражения принадлежат прежде всего пословицы. Это меткие образные изречения. Как правило, они ритмичные по форме, обобщают и типизируют различные явления жизни, выражая назидательный смысл, указывают на отдельные свойства людей, явления и характер действий: *Cut your coat according to your cloth, it's no good crying over spilt milk*.

Авторство пословиц установить невозможно. Эти устные краткие изречения считаются принадлежностью фольклора. Они известны большинству носителей языка и широко распространяются в устной речи – причём на протяжении веков. Так, англ. *Take care of the pence and the pounds will take care of themselves* [соотносимая с рус. «Копейка рубль бережёт»; «Береги хлеб про еду, а копейку про беду» (Совет)] была известна в Великобритании ещё до 1724 г. Или же нем. *Nicht alle Vögel sind Falken* – древнейшая пословица. Однако при всей старине – её современность очевидна.

Показательны ПЕ и для древнетюркской письменности. Так, в памятнике в честь Тоньюкука [712-816 гг. нашей эры] содержатся ПЕ «Тонкое сложить (в кучу) – легко, слабое разорвать

– легко»; «Стыд чистых хорош!» [С. Е. Малов, 1951. С. 66, 68].

Заметим, что в истоках богатейшего эпоса узбеков, туркменов, казахов, киргизов и других народов центральноазиатского региона хранится ещё множество непостижных тайн [В. Я. Пропп, 1976. С. 122].

Паремиологические клише заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью номинативно и прагматически воспроизвести познannую/познаваемую человеком действительность во множестве её фрагментов. Поэтому клишированные образования [прежде всего пословично-поговорочные ПЕ] нередко выступают в языке единственными обозначениями объектов, свойств, состояний, процессов, ситуаций и т.д., формируя среди языковых единиц национально-культурный компонент семантически особого рода. При этом актуализируется [скажем, в паремиообразовании] такой лексический материал, который выступает как «средство создания художественного образа, иначе – в его поэтико-эстетической функции и содержательно-мировоззренческом наполнении» [И. В. Шталь, 1983. С. 5]. Тем самым образование клише уменьшает противоречие между потребностями человеческого мышления и лексическими ресурсами языка, которые ограничены.

Ср. кк.-рус. паремиопараллели: «Аспандағы куяшты узип болмас, /Сиясатсыз турмысты дузип болмас» ‘Как нельзя оборвать лучи солнца./ Так же нельзя построить жизнь вне общества’; «Китап – билим булагы, билим - ө мир шырағы» ‘Книга – источник знания, знание – свет жизни’; «Мийнет пенен жер кө герер,/ Илим менен ер кө герер» ‘От труда земля расцветает, от науки человек вырастает’; «Жер айдасан, гуз айда,/ Гуз айдамасан, жуз айда» ‘Паши землю осенью, не то будешь пахать сто раз’; «Ден саўлык – терең байлык» ‘Здоровье – надежное богатство’; «Кеңесли ел азбайды,/ Кең

кийим тө збайды” ‘Дружный народ не рушится, удобная одежда не рвётся’.

Паремийное своеобразие отдельного языка представляется более углубленно на фоне сравнения со схожим паремиосмыслом, реализуемым средствами другого языка.

Ср. нем. ПЕ в сопоставлении с парой соотносительных по смыслу рус. ПЕ:

Wer zuerst kommt, → «Чей черед, тот и берёт»;

mahlt zuerst «Поздному гостю - кости»;

Wer im Glashaus sitzt, → «Не суйся в волки с телячьим хвостом»;

soll nicht mit Steinen werfen «Других не суди, на себя погляди»;

Ein alter Baum ist → «Старому переезжать всё одно

schwer zu verpflanzen - что умирать»;

«Старого пса к цепи не приучишь»;

Eigner Herd ist Goldes wert → «Своё, как своё: мило, хотя и гнило»;

«Своя хатка – родная палатка».

Faul kriegt nichts ins Maul → «Лень человека не кормит, а здоровье портит»;

«Хочешь есть калачи, так не лежи на печи».

Последовательность толкования может быть и обратной. Тогда группа ПЕ исходного языка объясняется одной ПЕ из выходного языка:

Was man nicht im Kopfe hat, → «Дурная голова ногам покоя не даёт»;

muß man in den Beinen haben;

Wer kein Gehirn hat, habe Beine

Jedes Ding zu seiner Zeit; →

«Всякому овощу своё время».

Ein jedes Ding hat seine Zeit

Семантико-образная значимость ПЕ исходного языка может послужить доминантой построения многоязычного гнезда эквивалентных по смыслу ПЕ:

рус. «Друзья познаются в беде» →

лат. Amicus certus in re incerte cernitur.

Sors aspera monstrat amicum.

Tempore felici multi numerantur amici; si fortuna perit, nullus amicus erit.

франц. Au besoin on connaît l’ami.

On connaît le véritable ami dans le besoin.

C’est dans le besoin qu’on connaît ses véritables amis.

C’est dans l’adversité qu’on connaît les amis.

англ. A friend in need is a friend indeed.

нем. Den Freund erkennt man in der Not.

Glück macht Freunde, Unglück prüft sie //

рус. «Век живи, век учись» →

лат. Tam diu discendum est homini, quam diu nesciat.

франц. On s’instruit à tout âge.

On n’est jamais trop vieux pour apprendre.

On apprend en tout âge.

On s’instruit tous les jours.

англ. It is never too late to learn.

Live and learn.

нем. Zum Lernen ist niemand zu alt.

Der Mensch lernt nie aus.

Keiner ist zu alt zum Lernen.

Как видно, ПЕ отображают национально-специфические способы концептуализации действительности, формируют особым образом картину мира носителей языка, ибо в них аккумулируется историко-культурный опыт народа. Поэтому ПЕ являются действенным средством познания этнокультурного менталитета и языковой ментальности нации, т.е. народ – как речедатель – выступает в языковой картине мира значимым образом, репрезентируя источник мудрости нации и её социально-интеллектуальную активность. В языке это утверждается на коммуникативных полях моноличности и диалогичности. Ср. в рус. языке «В народе не зря говорят: Семь раз отмерь – один раз отрежь» или «Труба пониже – дым пожиже – говорят в народе».

В процессе многовекового языкового развития [начиная с древнего периода] формируется сложная семантико-грамматическая паремийная [шире - клишированная] подсистема, которую отличает «точность экспрессивной выразительности особого поэтического замысла и образного воплощения действительности» [И. В. Шталь, 1983. С. 6].

Синтаксически клише [прежде всего это пословичные ПЕ] обладают цельнопредикативной структурой простого и сложного предложения. Ср.: в англ. языке ПЕ - простые предложения: “Absence is a shrew” (= «Ссылка на отсутствие - аргумент трусов»); “Absent party is still faulty” (= «Отсутствующего всегда обвиняют» или «Без меня меня женили»); “After dinner comes the reckoning” (= «Любишь кататься - люби и саночки возить»); “Anger is a short madness” (= «Гнев - недолгое безумие») и т.д.

Среди англ. ПЕ - простых предложений отмечаются уже в др.-англ. языке [например, в англ.-сакс. языке] такие подтипы, как:

- ПЕ повествовательные утвердительные: Aelc treow is be his waestme oncnawen // A tree is known by its fruit;

- ПЕ повествовательные отрицательные: Nafath aening mann freonda to feala // No man has too many friends [→ лат. Amicos plures nemo habet];

- побудительные ПЕ: Ne ge wurpen eowre meregrotu toforan eowrum swynon // Cast not pearls before swine [библейзм, ср. рус. «Не мечи бисер перед свиньями»];

- вопросительные ПЕ: Hwaet fremath tham blindan seo beorhta sun-beam? // What profit to a blind man of a bright sunbeam?

Активны в языке [например, английском] также ПЕ-гипотаксисы: “He is lifeless, that is faultless” (= «He родился ещё человек, который никогда не ошибается»); “He that is full of himself is very empty” (= «Очень пуст тот, кто полон сам собой»);

“He that would eat the fruit must climb the tree” (= «Без труда нет плода»); “He who would catch fish must not mind getting wet” (= «Без труда не вытащишь рыбки из пруда»); “As the tree falls, so shall it lie” (= «Куда дерево клонилось, туда и повалилось») и т.д.

Структурно ПЕ-гипотаксисы версифицируются по позиции придаточной части по отношению к главной.

Так, в др.-англ. и современных англ. параллелях ПЕ придаточная часть гипотаксиса находится

- после главной: Ne wat swetes thanc se the biteres ne onbyrgeth // He knows not sweet(ness) that never tasted bitter(ness). Who has never tasted bitter, knows not what is sweet [→ лат. Nescit suave diligere qui amarum non gustaverit];

- перед главной: Gif se blindan thone blindan laet, hi feallath begen on aenne pytt // If the blind lead the blind they both fall into the ditch; и др.

В англ.-сакс. языке придаточная часть ПЕ-гипотаксиса встречается даже в середине главной: Witodlice ealle tha the swurd nimath, mid swurde hig forwurpath.

Прослеживаются на ранних стадиях развития современной паремии системы и употребления ПЕ-гипотаксисов, которые соотносительны уже с ныне используемыми видами придаточных предложений. Ср. англ.-сакс. и современные англ. паремийные параллели, где наличествует придаточное

- определительное: Aelc rice the byth twyraede on him sylfum byth toworpen // Each kingdom divided against itself will be cast down;

- места: Ne bith nan thing digle thaer druncennys rixath // Where drunkenness reigns there is nothing secret;

- образа действия: Swa eal manna bearn sorgum sawath, swa eft ripath // As one sows, so shall he reap;

- условное: Gif an lim bith untrum, ealle tha othre throwiath mid tham anum // If one limb is unhealthy, all the others suffer;

- подлежащее: *Blind byth bam eagum se the breostum ne starat // He is blind in both eyes that does not see into the heart* [← лат. *Cecus duobus oculis qui pectore non cernit*].

Употребительны в языке и ПЕ – паратаксисты. Ср. англо-русские паремиопараллели: “*Agues come on horseback, but go away on foot*” (= «Беда к нам верхом, а от нас пешком»), ср. ещё: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками»); “*It never rains, but it pours*” (= «Беда одна не ходит», «Пришла беда - растворит ворота»); “*Hope is a good breakfast, but a bad supper*” (= «Надежда - хороший завтрак, но плохой ужин»); “*God sends meat and the devil sends cooks*” (= «Бог послал людям пищу, а дьявол - поваров»); “*There is one good wife in the country, and every man thinks he has her*” (= «Каждый муж думает, что лучше его жены на свете нет») и т.д.

Эта синтаксическая разновидность ПЕ имеет также большую историю своего развития. Ср. англ.-сакс. и современные англ. паремиопараллели: *Se gast is hraed and thaet flaesc ys untrum // The spirit is ready, but the flesh is sick; Answarn lithe tobrycth ygre, spraec stith awecth hatheortnysse // A soft answer breaks ire (wrath), hard words provoke hardheartedness.*

В каждой из разновидностей клишированных единиц наличествуют свои особенности. Скажем, если структурно пословичные и поговорочные ПЕ различаются незначительно, то в семантико-прагматическом отношении расхождения достаточно отчётливые: для пословиц специфичны всеобщность, ситуационно-соотносимая обобщённая рекомендательность и мотивация образостроения, а для поговорок вышеуказанные особенности не присущи. Вместе с тем пословицы и поговорки соотносимы между собой по

- образности: *When the heart thinks the tongue speaks // His heart is in his mouth;*

- краткости содержания: *Waste not, want not // All his geese are swans;*

- синтаксической структуре [опора на предложенческие модели построения]: *There is no smoke without fire // The fat is in the fire.*

Целесообразно исходить из такого общего определения паремии, которое складывается из толкований пословицы и поговорки (как ведущих паремийных единиц): «Под пословицами обычно понимают афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» (А. В. Кунин, 1986. С. 300). Это краткие народные изречения. План их выражения переносно-буквальный, либо только переносный. Грамматически они выражаются законченным предложением. Так, у ПЕ «Горбатого могила исправит» - только образное значение, а у ПЕ «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» - буквальное и иносказательное.

В целом же, для пословичной ПЕ релевантны образность, законченность изречения, назидательность, особое ритмоинтонационное и фонетическое оформление [параллелизм построения, рифма, звуковые повторы, стихотворный размер и т.п.]. Тем самым в речи пословичная ПЕ выступает самостоятельным суждением. Ср. рус. «Волков бояться – в лес не ходить»; «Попытка не пытка, а спрос не беда»; «Ученье – свет, а неученье - тьма».

Основным же показателем пословичной ПЕ будет переносность значения. Ср. в к.-тат. паремиологии: «Къуш ювасында корьгенини кутер» [«Птица делает то, чему обучилась в гнезде»]; «Беш пармакъ агъызгъа сыгъмаз» [«Пять пальцев в рот не умещаются»], «Ат баласы – аттыр, ит баласы - иттир» [«Детёныш лошади – лошадь, детёныш собаки - собака»]; «Домуздан бир къыл къопса да файда» [«От свиньи и один упавший волос полезен»], «Арыкъ аткъа къуйругъы агъыр» [«Тощему коню и свой хвост в тягость»]; «Багъчасыз юрткъа бульбуль къонмаз» [«К жилищу без сада соловей не прилетает»]; «Ишлемеген

демирни тот базар» [«Неработающее железо ржавеет»]; «Ат аладжакъ олсанъ, башта хамут ал» [«Хочешь купить коня – сначала купи хомут»]; «Бедава бекмез балдан татлы» [«Бесплатный бекмез (уваренный фруктовый сок) слаще мёда»] и др.

«Поговорка - это коммуникативная ФЕ непословичного характера... В своем большинстве поговорки являются оценочными оборотами» (А. В. Кунин, 1986. С. 317). Эти краткие народные изречения отличаются семантически буквальным планом выражения, а грамматически – законченностью предложения: «Коса – девичья краса»; «Деньги дело наживное».

Общая же характеристика поговорочной ПЕ сводится к следующим релевантным параметрам: образность, иносказательность выражения, лаконичность формы построения. Она определяет какое-либо жизненное явление. Однако она не включает в себе [в отличие от пословичной ПЕ] прямого поучительного смысла. Поэтому зачастую это обнаруживается в синтаксической незаконченности. Всегда поговорка – это лишь часть суждения и только в контексте она получает окончательное оформление с конкретным смыслом. Ср. рус. «Посмотрит – рублём подарит».

Причём прямое значение будет для поговорочных ПЕ основным. Ср. к.-тат. паремиологии: «Ишлеген - тишлер» [«Кто работает, тот ест»]; «Агъыр иштен къачма, енгилине чапма» [«Не убегай от тяжёлой работы, не беги к лёгкой»], «Адамнынъ къадрини адам билир» [«Цену человека знает человек»]; «Зорлукъ – хорлукъ дегильдир» [«Трудности – не страдания»]; «Адам иш башында белли олур» [«Человек познаётся по его работе»]; «Дели утанмаз, сою утаныр» [«Дурак не стыдится – стыдится его родня»]; «Адамны адам эткен иштир» [«Человека человеком делает труд»]; «Бабадан оксюз – яры оксюз, анадан оксюз – толу оксюз» [«Сирота без отца – сирота наполовину, сирота без

матери – круглая сирота»] и др. [Ш. Асанов, 2002; Р.И. Музафаров, 2007].

Нередко поговорочные ПЕ сохраняют свою авторскую принадлежность: From whose bourn(e) no traveller returns (Shakespeare) [«Откуда ещё никто не возвращался», т.е. в царстве смерти]; Our withers are unprung (Shakespeare) [«Хула, обвинение нас не задевает»]; One's gorge rises at something (Shakespeare) [«вызывать отвращение, омерзение»]; «с души воротит от чего-либо»]; How goes the enemy? [«Который час?» - выражение создал Диккенс]; «Понравился бюст? – Карман будет пуст!» (А. П. Чехов); «Пороки влекут нас сильнее, чем христианские заповеди» (Шарль Бодлер); «Кто приобрёл хорошую невестку – нашёл дочь, а кто плохую – потерял и сына» (Дидро) и др.

Концепция фразеологической идентификации А. В. Кунина дала возможность подойти к паремиологии лингвистически. До этого ПЕ изучались, в основном, фольклористами и литературоведами, которые собирали их исключительно как образцы народного творчества.

Фразеология и паремиология, изучающие устойчивые словесные комплексы (ФЕ), пословицы, поговорки, «крылатые слова», афоризмы (авторские и народные), загадки, скороговорки и им подобные клишированные выражения - паремии (ПЕ), накопили к настоящему периоду развития филологической науки (тюркологии, славистики, германистики, романистики) и фольклористики исключительное многообразие сведений, материалов, методик интерпретации. В этой обширной филологической и фольклорной области сложились свои устойчивые традиции в сборе, систематизации и описании ФЕ и ПЕ разных жанров.

Одной из форм обобщения полученных здесь результатов является библиография [J. Petr, 1987. С. 175-176]. Примечательно, что А. Н. Кононов (1968.

С. 9) относит библиографию к основным направлениям тюркской филологии в современном мире. Библиографические разыскания и систематизации в рассматриваемой области проводятся прежде всего в масштабе отдельных регионов. Так, в Узбекистане были опубликованы подробные систематизированные сведения по фразеологии и паремиологии узбекского, каракалпакского, крымскотатарского, киргизского, украинского, немецкого и других народов [Паремиология Узбекистана. Т. 1-5. – Самарканд, 1978. – 208 с.; 1980. – 112 с.; 1981. – 250 с.; 1982. – 58 с.; 1983. – 73 с.; Паремиология Украины. Т. 1-2. – Самарканд, 1982. – 150 с.; 1983. – 143 с.; Паремиология Киргизии. – Самарканд, 1987. – 85 с.; и др].

Язык находится в одном ряду с социальными факторами и определяет их процессы в обществе. Как высший человеческий орган познания и чувствования мира он обобщает данные пяти чувств и создаёт мысль. В его исторических глубинах содержатся воля и заветы предков, зашифрованы тайны общественного и индивидуального сознания этноса. Поэтому актуальным представляется рассматривать язык и действительность в системе гуманитарных ценностей и в связи с общенаучной картиной мира - прежде всего в аспектах 1) сущности языка, 2) принципов его развития и 3) прикладной значимости науки о языке в исторической перспективе.

Так, в связи с вышесказанным, системно-уровневый подход к изучению фразеологии и паремиологии языка предполагает последовательную ориентацию на разработку достаточно оптимальных принципов фразеологической (паремиологической) словарной кодификации устойчивых словесных комплексов различных семантико-структурных разрядов. Причем непременно учету подлежат не только идиомы (т.е. собственно базовый фразеологический фонд языка), но и

разряды устойчивых словесных комплексов, выходящих за пределы фразеологии в ее узком понимании. Это паремии или ПЕ, т.е. пословицы и поговорки, относимые обычно к образованиям малого фольклорного жанра.

Паремии языка составляют по своим структурным, семантико-функциональным и деривационным данным особую подсистему. Поэтому важной индивидуальной кодификационно-значимой характеристикой слова является демонстрация его паремиообразовательных возможностей. Ср. рус. ПЕ [в том числе и старинные] со словом ХЛЕБ: «ХЛЕБ – всему голова»; «ХЛЕБ греет – не шуба»; «Калач приестся, ХЛЕБ - никогда»; «Ищи, как ХЛЕБ ищут»; «ХЛЕБ – на столе, и стол – престол, а хлеба ни куска, и стол - доска»; «Худ обед, коли ХЛЕБА нет»; «ХЛЕБ в пути – не тягость»; и др.; или это сочетания двух слов [например, «Бог» + «дать»] в рус. паремиогруппе: «Бог дал живот, Бог даст и здоровье»; «Бог даст день, Бог даст и пищу»; «Вам Бог дал, а нам посулил»; «Бог даст, и в окошко подаст»; «Бог дал, Бог взял»; и др.

Одним из направлений современного общего, сравнительно-типологического, германского, романского, славянского и тюркского языкознания [Дж. Буранов, 1983. С. 4-5 и др.] является паремиологическое, сущностным аспектом которого считается исследование паремийной (пословично-поговорочной) насыщенности художественного (или иного) текста и индивидуальной речи, а также словарей различного типа.

Известно, что среди языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики, формирующих фоновые знания носителей языка, значительное место занимают именно пословицы и поговорки (= паремии), имеющие историческую и познавательную ценность.

ПЕ, например пословица, - это изречение, которое отличается

устойчивостью в речевом обиходе, лаконичностью построения, ритмической организацией и яркой образно-метафорической характеристикой, отражающей какую-либо известную разговорно-бытовую ситуацию, ср. пословицы: «Лес рубят - щепки летят»; «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»; «Весна красна цветами, а осень - пирогами» и т.п. При этом образность ПЕ нередко основывается на выразительных возможностях отдельных ее слов-компонентов, приобретающих характер особой символики, аллегорического смысла, ср.: «Лезет в волки, а хвост собачий»; «Лисий хвост, а волчьи думы»; «Не волчий зуб, так лисий хвост» и т.д.

Сравнительно-сопоставительный анализ паремийной (пословично-поговорочной) образности на материале наиболее частотных паремий - мало исследованная область общей и прикладной паремиологии. Ее лингвистическое изучение только еще начинается - за исключением кодификационных основ контрастивной паремиографии [Т. А. Бушуй, 1992; 1992а; 2000; 2002; 2002а и др.], номинацентрических пословиц в разносистемных языках [П. У. Бакиров, 2006], концептуализационно-опозиционного подхода к объяснению паремической картины мира, кодификации фольклорной афористики [М. М. Абдурахимов, 1989]; анализа отдельных концептосфер [З. Р. Гулямова, 2007; Н. В. Рузметова, 2010; Б.М. Жўраева, Р.А. Аҳмедова, 2015] и др.

Наряду с этим актуальной проблемой современного общего языкознания является также изучение лингвистических основ комплектования словарей различного типа в ракурсе конкретного аспекта - скажем, лексико-семантического, грамматического, фразеологического, стилистического и т.д. В частности, интерес представляет здесь крупная проблема, которая сводится к исследованию отдельных значимых в

номинативно-коммуникативном (текстопорождающем) плане единиц языка в рамках словарного контекста. Таковыми, к примеру, выступают - вне всякого сомнения - паремии (прежде всего - пословицы и поговорки), формирующие среди языковых единиц национально-культурный компонент семантики особого свойства. Причём именно в образной организации паремий исключительно широко отражается национальное своеобразие жизни того или иного народа, факты из его истории (порою весьма отдалённой), природно-географические особенности страны, культура, экономика и т.д. Объяснения многих пословиц и поговорок современного языка отыскиваются в наши дни в глубинах исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях культуры.

Кроме общелитературных паремиоданных здесь важно учитывать паремиосистему в диалектах и региональных вариантах языка.

Именно в этом плане сопоставила литературную и диалектную паремиологию узб. языка М. З. Садриддинова [1985] в следующих параметрах:

1) Употребляемые только в диалектах ПЕ, паремиоформа которых содержит диалектизмы какого-либо говора:

“Айраты кийип, ай болдым, → «Одев чужое, я стала луной,

Алып кэтти, шай болдым” Унесли чужое – я осрамилась»

[в ПЕ отражены диалектизмы мангытского говора: “айраты” («чужая вещь, взятая во временное пользование») и “шай” («простыжённая»)] [с. 11].

2) Семантико-образная достаточно близкая соотносительность одной и той же ПЕ в литературном и диалектном употреблении:

Литературный язык Диалект [мангытский говор]

“Аданда яхши жой бўлса, “Эдэндэн тапылса,

Тўрнинг не хожати бор” Төргэ етмэ”

«Если есть хорошее место [«Если найдётся место на проходе, на проходе –

То и место в почётном Не проходи в почётный углу ни к чему»] угол»] [с. 12].

3) Сохранение в литературной паремиоформе диалектных компонентов, что обуславливается требованиями стиля и ритмики употребления:

Литературный язык Кыпчакский диалект

“Кўр ўр бўлар” “Кэр ор болар” [с. 13] и т.д.

[«Слепец-упрямец»]

Если учесть паремиологию языковых вариантов, то здесь также отмечаются свои закономерности.

Так, примечательно, что паремиообразование не показательно для австрал. и кан. вариантов англ. языка, история которых сравнительно небольшая.

Некоторое развитие получила американская паремиология. Для неё характерны следующие особенности:

- ПЕ состоят из элементов литературного языка: in the bag [«Дело в шляпе» (букв. «в сумке»)];

- ПЕ-диалектизмы: in corpore;

- ПЕ подвержены вариативности структуры: Not to amount to a row [→ hill] of beans [→ pins] [«Капля в море»; «Гроша ломаного не стоит»];

- ПЕ характеризуются образностью, основанной на сугубо американской реальности: Cat from the same cloth [букв. «вырезаны из одной материи» в смысле «Одного поля ягоды»; «Одним лыком шиты» или узб. “хаммаси бир гўр”]. Поэтому возможны расхождения в этом плане с британской паремиологией:

Англицизм Американизм

Dog does not eat dog

Dog eats dog

[букв. «Собака не ест собаку»]

[букв. «Собака ест собаку» в

смысле «Человек человеку волк»]

рус. «Ворон ворону глаз

не выключает» // узб. “Қарға қарғанинг кўзини чуқимас”.

В большинстве своём, амер. ПЕ основаны на литературной лексике англ. языка, поскольку амер. варианту порядка триста лет. А вот если взять так называемые «старые» языковые варианты, то здесь уже устоялись некоторые ПЕ. Ср., например, пословицы в шотл. варианте: Bernt baerns dread the fire [букв. «Обжжённые дети боятся огня», соотв. «Обжжёвшись на молоке, дует на воду»; «Пуганая ворона куста боится»]; Teach the cat the way to the kirk [букв. «Учить кошку как пройти на праздник урожая»; соотв. «Пустить козла в огород»]; Eating and scratching wants but a beginning (в смысле «Аппетит приходит во время еды» (стоит только начать)); None can play the fool so well as a wise man (в смысле «Если умный валяет дурака, за ним никакой дурак не угонится»); Before you choose a friend eat a bushel of salt with him (в смысле «Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть»); Be slow in choosing a friend, slower in changing him (в смысле «Выбирая друга - не торопись, тем более не торопись менять его»); Let every sheep hang by its own shank (в смысле «Каждый должен заниматься своим делом») и др.

В целом, к настоящему времени установились некоторые общие лингвистические характеристики ПЕ:

1. Паремиология - важный элемент языковой системы и речевой деятельности. Словари рекомендуют все более последовательно такие образцы паремий, которые выделяются специфичностью своих семантико-тематических, образных, структурных, стилистических и коммуникативно-прагматических характеристик [Х. Бердиёров, Р. Расулов, 1984; Дж. Буранов, 2002. С. 102].

2. Паремии базового фонда языка отличаются клишированностью своей формы, допускающей определенный минимум вариативной трансформации (лексической, грамматической, структурной и др.).

3. Базовые паремии языка - идиоматичны. Их семантика отражает всеобщность, передаёт идеи мотиваций, содержит всевозможные советы и рекомендации.

4. Паремии выделяются своим коннотативно-оценочным потенциалом, ср. англ. ПЕ: “A fool’s bolt is soon shot” (= рус. «У дурака деньги долго не держатся», т.е. буквально «Дурак быстро упускает свои возможности»); “Fools rush in where angels fear to tread” (= рус. «Дураки спешат туда, куда ангелы и ступать даже бояться») и т.п.

5. Образность паремий соотносима с семантикой опорного слова паремиоформы.

6. Паремиофонд языка составляет отдельную подсистему. Её свойства обуславливаются уровневой организацией языка. Тем самым определяются наиболее существенные категории, позволяющие представлять типологию ПЕ, особенности внутрипаремиологического развития и взаимосвязи паремиологии с другими языковыми подсистемами [в первую очередь с лексикой, фразеологией, синтаксисом].

7. Паремии - обязательный элемент словаря общего типа. При этом словари [толковые, контрастивные, фразеологические и паремиологические] ориентируются, прежде всего, на наиболее употребительные ФЕ и ПЕ. Лучшие словари полного объема – это крупные паремийные собрания. Так, только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (как известно, работа велась в течение 53 лет: с 1819 г. по 1872 г.) порядка 30 тысяч пословиц и поговорок. Они используются в словаре как излюбленное средство толкования. На наиболее употребительные слова привлекаются порядка 50-100 пословиц и поговорок. К примеру, на слово «воля» - 73 ПЕ, на «глаз» - 110 ПЕ, на «голова» - 86 ПЕ, на «деньги» - 82 ПЕ, на «добро» - 60 ПЕ и т.д. Ср. паремийные иллюстрации в словаре В. И. Даля слова «труд»: «Человек

рожден на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Лень с труда сбила. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Для родимого и труд не в труд. Бог труды любит. Труд человека кормит, а лень портит. Смерть за подьячим пришла, а подьячий со смерти за труды просит! (лубочная картина). От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. Терпенье и труд все перетрут. Белые ручки чужие труды любят.

Если обратиться к самому полному толковому словарю русского языка - ССРЛЯ (1950-1965 гг. издания), то налицо активное включение в него достаточного множества ПЕ. Ср. следующие типичные образцы в ССРЛЯ: «Жизнь прожить - не поле перейти» (т. 4, с. 144); «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (т. 4, с. 1129); «Хоть телешом, да в шапке» (т. 15, с. 223); «Кто старое вспомнёт, тому глаз - вон» (т. 3, с. 122); «С глаз долой - из сердца вон» (т. 3, с. 125); «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить» (т. 3, с. 216); «Сколько голов, столько умов» (т. 3, с. 217); «С миру по нитке голому рубаха» (т. 3, с. 246); «Мал горшок, да мясо варит» (т. 3, с. 314); «В гостях хорошо, а дома лучше» (т. 3, с. 337); «Готовь летом сани, а зимой телегу» (т. 3, с. 341); «Не клади плохо: не вводи вора в грех» (т. 3, с. 390); «Рад бы в рай, да грехи не пускают» (т. 3, с. 390); «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (т. 3, с. 426); «Время губить, не воротить» (т. 3, с. 467); «Даровому коню в зубы не смотрят» (т. 3, с. 562); «Своя рука - владыка» (т. 2, с. 434); «Не суйся в воду, не спросясь броду» (т. 2, с. 495); «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел» (т. 2, с. 609); «Волков бояться - в лес не ходить» (т. 2, с. 609) и т.п.

Из типичных образцов ПЕ - поговорок в ССРЛЯ укажем на такие, как: «Не в бровь, а (прямо) в глаз» (т. 3, с. 122); «Дуться, как мышь на крупу» (т. 3, с. 117); «Волчий рот, лисий хвост» (т. 2, с. 610) и т.д.

Обычно ПЕ представляют собой устойчивые коммуникативные обороты афористического характера. Они отражают в языке народную мудрость, коллективную оценку самых различных житейских наблюдений. Ср. следующие образцы наиболее показательных в этом отношении пословиц: «Что посеешь, то и пожнёшь»; «Дрова рубят - щепки летят»; «Кашу маслом не испортишь»; «Не всё золото, что блестит»; «Всякому овощу своё время»; «Взялся за гуж - не говори, что не дюж»; «Не место красит человека, а человек место»; «Горбатого могила исправит»; «Лиха беда начало»; «Без труда не вынешь и рыбу из пруда»; «Лежачего не бьют»; и др.

Как видно, все ПЕ соответствуют по структуре предложениям основных типов. Функционально они относятся в большинстве своём к разговорно-бытовой речи. Ср. ещё: «На безрыбье и рак рыба»; «Мал золотник, да дорог»; «Терпенье и труд всё перетрут»; «Цыплят по осени считают» и др.

Особо значима внутренняя форма паремии.

Ср. такие гаг. поговорочные ПЕ, отличающиеся национально маркированной образностью внутренней формы: «аул ёрненерä парды ташымаа» [«бездельничать» (букв. «подносить лозу плетущим изгородь»)]; «аттан инди, ешäа пинпи» [«променять сапоги на лапти», «променять шило на мыло» (букв. «пересесть с лошади на осла»)]; «öлу бейгир налы аарамаа» [«искать прошлогодний снег», «искать вчерашний день» (букв. «искать подковы мёртвых коней»)].

Внутренняя форма паремии – это образная основа мотивации семантического сдвига. Она объясняет направление переосмысления и обозначает типичные жизненные ситуации, даёт представление об общей связи между типом предметной ситуации и ее переосмыслением. Ср., например, ещё и такую паремиогруппу англ. языка: “Не

whose belly is full believes not him who is fasting” (= «Сытый голодного не понимает»); “In a calm sea every man is a pilot” (= «В тихую погоду каждый может быть лоцманом»); “In a long journey straw weighs” (= «В дороге и иголка тяжела»); “It is a poor heart that never rejoices” (= «Плох тот человек, который никогда не радуется»); “It is a poor mouse that has only one hole” (= «Плоха та мышь, у которой только одна лазейка»); “It is a silly fish, that is caught twice with the same bait” (= «Глуп тот, кто дважды попадает на одну и ту же удочку»); “Lazy folks take the most pains” (= «Нерадивому приходится работать больше всех»); “Lazy ox is better for the goad” (= «Ленивого нужно подгонять») и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических отличий в системах различных языков способствует уяснению общих лексико-психологических основ механизма образного мышления, а также позволяет раскрыть собственно лингвистические закономерности создания языковых образов, которые определяют внутреннюю организацию паремиоформ.

Паремиино маркированные национальные образы разных языков не тождественны, потому что паремиологическая индивидуализация языковой ментальности народа исключительно сложна и внутренне версифицирована. К примеру, следующие проявления национального характера англичан получили соответствующее паремииное подтверждение:

- чувство сохранения лица в любой ситуации: Better a glorious death than a shameful life [«Лучше славная смерть, чем постыдная жизнь»];

- предусмотрительность в своих действиях и поступках: He who says what he likes, shall hear what he does not like [«Кто говорит то, что ему вздумается, услышит то, что не понравится»];

- негативное отношение к беспомощности в делах, медлительности,

неспособности к чему-либо: He who hesitates is lost [«Колебание пагубно»];

- скептицизм по отношению к зазнайству и хвастовству: Pride goes before a fall [Pride will have a fall; Pride goes before destruction] [в значении «Дьявол гордился, да с неба свалился»];

- настойчивость в преодолении препятствий и упорство в достижении желаемого, терпение и упорный труд: A hedge between keeps friendship green [в значении «Препятствия укрепляют настоящую дружбу»]; With time and patience the leaf of the mulberry becomes satin [в значении «Со временем и при терпении и тутовый лист станет атласом»; соотносимо с рус. «Терпение и труд – всё перетрут»];

- смелость: None but the brave deserve the fair [соотносимо с рус. «Смелость города берёт»];

- уступчивость, готовность к компромиссам: There's no such a thing as a free lunch [в смысле: «За всё надо в конце концов заплатить»; «Нельзя что-то получить, не отдав при этом ничего взамен»];

- здравомыслие, бережливость и ориентация на логику поступков: Take care of the pence and the pounds will take care of themselves [в значении «Береги пенсы, а фунты сами себя сэберегут»; соотносимо с рус. «Копейка рубль бережёт»] и т.д.

Вместе с тем – несмотря на очевидные и сущностные различия – взаимодействие культур можно рассматривать как диалог, ведущий к взаимному обогащению и общему расцвету контактирующих культур, разъяснению их исторических корней и снятию культурного противостояния.

На практике разноязычное межпаремийное сопоставление сводится прежде всего к отысканию оптимального толкования образной основы ПЕ исходного языка. Ср. рус.-узб. параллели: «Любишь кататься, люби и саночки возить» - «Чанада учишни ёқтирсанг, чана тортишни ҳам ўйлаб қўй»; «Друзья

познаются в беде» - «Дўст бошга кулфат тушганда билинади»; «В гостях хорошо, а дома лучше» - «Меҳмондорчиликда юриш яхши-ю, аммо ўз уйинга нима етсин».

Затем следует сопоставление методом подбора аналогов. Ср.: «По платью встречают, по уму провожают» - «Ўзига боқма, сўзига бок».

При интерпретации ПЕ языка1 средствами языка2 следует стремиться к сохранению её традиционности и национально-культурного своеобразия. Тем самым не исключается привнесение в язык перевода новой для него паремииформы: узб. ПЕ «Ит итга буюрди, ит куйруғига» → рус. «Пёс послал собаку, ну а та – свой хвост» [т.е. «Один поручил другому, другой - третьему»].

В толковании паремий надлежит учитывать также принцип семантико-тематической систематизации пословично-поговорочного материала. Например, по теме «правда» соотносимы рус. пословицы: «Правда глаза колет» и «Правда светлее солнца».

Принцип тематической систематизации паремий вполне выдерживается и при подборе межъязыковых аналогов, ср. рус.-узб. параллели по теме «труд-меҳнат»: «В труде рождаются герои» - «Қахрамонлар меҳнатда туғилади»; «Без труда нет плода» - «Ишламаган – тишламас»; «Иши йўқнинг ризки йўқ»; «Труд человека кормит, а лень портит» - «Ишлаганнинг оғзи ошга тегар, ишламаганнинг боши тошга тегар»; или же по теме «дело – иш, юмуш»: «Дело мастера боится» - «Иш устасидан қўрқар»; «Кончил дело – гуляй смело» - «Меҳнат қилиб топганинг, қанду асал тотганинг»; «Люби дело -мастером будешь» - «Хунарни ўрганишга ҳам хунар керак».

Несомненно своевременность именно такого исследования. В его задачи входит сопоставительный анализ лингвистического, дидактического и поэтического содержания паремий в языках с их особым культурным развитием. Это сравнение дает возможность показать

общие закономерности языковой кодификации паремий.

Одной из наиболее же важных проблем паремиологии в настоящее время является комплексное лингвистическое описание типов паремий, которые устойчивы в словаре и активно реализуются в тексте. Без владения такой информацией невозможна надлежащая постановка общей языковой культуры в обществе.

Подобная лингвистическая работа четко ориентируется на сложившуюся в современном общем языкознании тенденцию, которая обоснованно выдвигает задачу всестороннего изучения комплексной проблемы человеческого фактора в системе речевой деятельности. Это ориентация на антропоцентрическое изучение языка в его реальном функционировании в аспектах речепорождения, прагматики, когнитивности, концептуальности и лингвокультурологии. Особую значимость при этом имеет оценочность любых паремиосведений. Человек как бы аккумулирует в паремиологии свою собственную или же полученную в обществе характеристику. Он своеобразно «очеловечивает» окружающую объективную действительность, одушевляя неодушевленное. В связи с этим Ш. Балли (1961. С. 221) так объясняет указанную оценочную функцию языка: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить все, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности». Ясно, что такой антропоморфизм есть универсальный закон развития языковых средств номинации - в том числе и паремиологических.

Тем самым настоящее исследование призвано заполнить очевидный пробел, существующий в общей истории лингвопаремиологии. Оно ориентировано на отыскание того внутреннего единства, которое наличествует в многоязычных разысканиях преимущественно прикладного характера. Это единство отличают такие особенности, как историзм, диахроническая перспектива, контенсивно-типологический [= содержательно ориентированный] анализ, разработка классификационных основ систематизации паремиофонда языка, внимание к различным параметрам лингвистической актуализации в отдельных паремиоформах, паремиогруппах и во всей языковой паремиосистеме в целом. Представляется, что выбор именно такого акцента интерпретации фактологического материала вполне оправдан необходимостью дальнейшего развития большой области знания на стыке фольклора, паремиологии и лингвистики.

Именно в этом направлении и развивается в современном мире новейшая лингвопаремиологическая мысль.

Так, «Internationaler Kongress zur Phraseologie und Parömiologie» [Universität Santiago de Compostela, 19.-22. September, 2006] обсудил следующие работы в этой области:

- S. Gómez-Jordana Feraly. Les proverbes sont-ils des expressions figées? Étude diachronique de deux proverbes français;

- J.-R. Klein. Le figement dans les proverbes et les expressions verbales: un débat qui n'est pas encore figé;

- M. C. Augusto. O elemento zoomórfico na fraseologia e paremiologia: uma abordagem léxico-semântica contrastiva;

- L. Chacoto. «Vale mais um gosto na vida que très vinténs na algibeira». Las estructuras comparativas en los proverbios portugueses;

- G. Ziegler. Proverbs as explanation resources in foreign language teaching and learning;

- D. Catalá/L. Chacoto. Estudio contrastivo de los proverbios portugueses y españoles en el ámbito de las profesiones;

- A. Nogueira. "Quem sai aos seus (não) degenera": estruturas sintácticas clássicas en proverbios portugueses;

- M. Quitout. Parémiologie & parémiographie aus Maroc: état des lieux et perspectives; и др. [Всего свыше 30].

Исходя из вышесказанного, целесообразным представляется далее рассматривать паремиологию в следующей последовательности:

1. Языковая природа паремийной единицы в соотносительной связи языка и познания объективной действительности, коммуникативной и познавательной функций языка в знаковом, семантико-прагматическом и лингво-культурологическом ракурсах с выходом на клише, крылатые слова и паремиотерминологию. Все это позволяет, в итоге, обобщить релевантную информацию о сущности природы паремии и позиций полигенезиса в языках различных паремийных (шире - клишированных) структур, мотивированности их внутренних форм, оценочности, диалектических основ паремиодеривации, сходств / расхождений ПЕ и ФЕ.

2. Паремийное восприятие картины мира на основе отражения логических и образно-ассоциативных процессов мышления, универсальности межъязыковой соотносительности в виде сходства / приближенности по различным ярусам, сопоставления сходного (общего или приближенно близкого) и национально-специфического (особенного или индивидуально-характерного), диахронического анализа языков а) родственных или б) устойчиво и длительно контактируемых (вне зависимости от степени родства), учета влияния различных стимулирующих

межъязыковую общность факторов - от единых историко-культурных традиций до общих

ареалов языкового функционирования, принципов систематизации межъязыковой эквивалентности. При этом возможно становление

межъязыковой паремиологической общности в образной репрезентации картины мира. Она обуславливается такими факторами, как соотносительность существования контактируемых языков (в виде сходства материальных и историко-социальных условий функционирования), родство, конструктивная близость, взаимодействие культур и т.д. На структурирование же межъязыковой паремийной общности воздействуют в разной степени закон единства и борьбы противоположностей, нарушения равновесного состояния, закон отрицания отрицания, закон перехода изменений количественных в качественные (и обратно), определение меры вещей по органической связи количества и качества, соотношение единичного и общего, проявление

общего в сходстве однородного ряда явлений, проявление общего в единстве условий существования конкретного множества, соотношение причины и следствия (наличие необходимого характера причинно-следственной связи и необходимых условий причинно-следственного взаимодействия), соотношение необходимости и случайности с выделительным выражением необходимого, отношение возможности и действительности (воспроизведение возможности как потенциальной действительности по предпосылкам старого опыта, отражение ведущей роли действительности), соотношение содержания и формы / соответствие между формой и содержанием, соотношение сущности и явления (воспроизведение неразрывности взаимосвязи сущности и явления).

3. Каталогизация паремийного фонда языка (на основании обобщения опыта региональной паремиоисториографии) в виде поиска, систематизации и первичной обработки всевозможных первоисточников в области фольклора и паремиологии, определения значимости сведений о пословицах, поговорках, афоризмах, загадках, скороговорках, толгау, жаклау, терме, притчах, а также таких важных паремийных сокровищницах, как сказки, сказы, сказания, легенды, дастаны и т.д. Использованию подлежат еще и любые другие тексты, словари, фонды рукописей и т.д.

Подобная паремиоисториографическая каталогизация позволяет выявить паремийное (фольклорное) богатство конкретного народа или региона, значимость введенного в научно-культурный обиход фольклорно-паремиологического материала, основные паремийные сборники в соответствующем языке написания (на национальном языке и в иноязычном оформлении), методологию разработки принципов комментирования паремиоматериалов (отдельные образцы паремий, их лингвистические и страноведческие особенности, история возникновения, время записи, источник паремии и др.).

4. Паремийная система языка и построение классификационных схем ее описания по различным параметрам: семантико-тематическим,

грамматическому параметру слов-компонентов ПЕ, деривации, источнику происхождения и др.

В итоге выявляются такие релевантные особенности языковой паремиосистемы, как: типовые значения ПЕ и их семное содержание, идеографика паремиофонда, основные паремиотематические поля (включающие паремиотематические ряды, микрогруппы и макрогруппы), сопряженность содержательной стороны ПЕ с 1) обобщенно-конкретной ситуацией и 2) различными коннотациями (оценочными, культурно-историческими, национальными, географическими и др.), синонимия ПЕ, антонимия ПЕ, грамматика ПЕ, текстовая актуализация ПЕ.

5. Паремиография, призванная решать такие словарные задачи, как: паремиообразовательная специфичность слова, участие ПЕ в формировании общеязыковой системности (прежде всего собственно паремийной и лексико-фразеологической), системность ПЕ по вариантности, синонимии, антонимии, полисемии, омонимии, деривационное соотношение паремио- и фразеоформ по имплицитности / эксплицитности, паремиопроизводство в словообразовательном гнезде, паремиомоделеобразование, принципы словарной дефиниции ПЕ, паремиокодификация толкового, переводного и специального паремиологического словаря.

Литература

1. Абдурахимов М. М. Фольклорная афористика и словарь: (На материале узбекского и русского языков). – Ташкент: Фан, 1989. – 95 с.
2. Асанов Шевкет. Аталар сёзлери ве айтымлар. Къырым-татар тилининъ паремиологик лугъаты. Топлагъан ве тертип эткен Шевкет Асанов. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – 184 с.
3. Бакиров П. У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). – Ташкент: Фан, 2006. – 298 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. – Москва: ИИЛ, 1961. – 394 с.

5. Бекчанова С. Ўзбек халқ нақлларининг ўрганилиши тарихи // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. – Нукус, 2009. - №2. – Б. 115-117
6. Бердиёров Х., Расулов Р. Ўзбек тилининг паремиологик луғати. – Тошкент: “Ўқитувчи”, 1984. – 288 б.
7. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – Москва: Высшая школа, 1983. – 267 с.
8. Буранов Дж. Фундаментальный поиск в исторические глубины тайн словаря // Хорijiy filologiya. – Samarqand: SamDChTI, 2002. – №2. – С. 102-106
9. Бушуй Т. А. Паремиология в восточнославянской лексикографии // Актуальные проблемы паремиологии. – Материалы Международной научной конференции. – Москва-Бишкек-Ош, 1992. – С. 60-61
10. Бушуй Т. А. Паремиообразовательная деривация слова в восточнославянской лексикографии // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Материалы IV Республиканской научной конференции. – Ч.2. – Гродно, 1992а. – С. 72-75
11. Бушуй Т. А. Контрастивная лексикография в ракурсе паремиологии (Из опыта узбекистанской паремиографической мысли) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. – Нукус, 2000. - №5. – С. 73-75
12. Бушуй Т. Пареміологія у східнослов'янській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація українців; Національна Академія наук України, 2002. – С. 169-170
13. Бушуй Т. Пареміотворча деривація слова у східнослов'янській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація українців; Національна Академія наук України, 2002а. – С. 552-562
14. Бушуй, Тетяна. Пареміолого-фразеологічна співвідносність за деривацією в українській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація українців; Національна Академія наук України, 2002б. – С. 553-555
15. Бушуй Т. А. Принципы перевода паремийных единиц (На материале английского и русского языков) // Таржима назарияси ва муаммолари. – Тошкент: ЎДЖТУ, 2006. – С. 34-37
16. Гулямова З. Р. Антитеза в английских и узбекских паремиях // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2007. - №6. – С. 45-50
17. Жўраева Б. М., Аҳмедова Р. А. “От” ЛМГ асосида шаклланган ўзбек халқ мақоллари услубияти // Vuxoro davlat universiteti ilmiy axboroti. – Vuxoro, 2015. - №3. – В. 53-57
18. Кононов А. Н. Тюркская филология. 1917-1967. – Москва: Наука, 1968. – 45 с.
19. Короглы, Халык. Огузский героический эпос. – Москва: Наука, 1976. – 239 с.
20. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Москва: Высшая школа, 1986. – 336 с.
21. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: АН, 1951. – С. 66-68
22. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – Москва: Наука, 1976. – 407 с.
23. Мирзаев Т. ва бошқ. Ўзбек халқ мақоллари: (Тўплам). – Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. – 512 б.
24. Музафаров Р. И. Къырымтатарларнынъ аталар сёзлери. Пословицы и поговорки крымских татар. – Симферополь: Тарпан, 2007. – 144 с.
25. Ниетуллаев Т. Қарақалпақ халық нақым-мақаллары. – Нөкис: Қарақалпақстан, 1982. – 116 сах.
26. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – Москва: Наука, 1976. – 325 с.

27. Рузметова Н. В. Особенности реализации концепта “гостеприимство” в паремиологии // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2010. - №3. – С. 61-65
28. Садриддинова М. З. Лексика узбекских пословиц и поговорок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент: АН, ИЯЛ, 1985. – 20 с.
29. Содикова М. Краткий узбекско-русский словарь пословиц и поговорок. – Ташкент: Ўқитувчи, 1993. – 76 с.
30. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. – Москва: «Прогресс», 1987. – 560 с.
31. Фазыл Р. Къайда бирлик, анда тирилик. Кърымтатар аталар сёзлери. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971. – 192 с.
32. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – Москва: Наука, 1978. – 605 с.
33. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. Отв. ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва: Наука, 1983. – 296 с.
34. Bodrogligeti, András J. E. Modern Literary Uzbek. A Manual for Intensive Elementary, Intermediate, and Advanced Courses [incl. a descriptive grammar of Modern Literary Uzbek]. – Los Angeles: University of California, 2003. – 360 p.
35. Bodrogligeti, András J. E. An Academic Reference Grammar of Modern Literary Uzbek. – Vol. I. – Los Angeles: University of California, 2003a. – 690 p.
36. Bodrogligeti, András J. E. An Academic Reference Grammar of Modern Literary Uzbek. – Vol. II. – Los Angeles: University of California, 2003b. – 690 p.
37. Petr, Jan. Nové Samarkandské lingvistické bibliografie // Slovo a slovesnost. – Ročník XLVIII. – Praha: Academia, 1987. – S. 175-176

Бушуй А. Борлиқнинг паремиялар образида шаклланиши. Мақолада паремиялар талқинида атроф-муҳит ҳақидаги миллий ва миллатлараро тасаввурлар, инсоннинг маънавий-ижтимоий фаолияти тил антропоцентриги аспектида, ҳамда турли халқларнинг нутқий афористик системаси ривожининг тарихий тенденциялари таҳлил этилган.

Bushuy A. Formation of paroemia in the image of reality. The article deals with the national and international representation of surrounding world on the basis of paroemia in the aspects of anthropocentricity of language, spiritual-social activity of humans and historical tendency in the development of aphoristic speech system of different nations.
